

Светлана ВИШТАЛЕНКО-ГАЛКИНА

ТРИ ЖИЗНИ БАЛЕРИНЫ СТЕПАНОВОЙ

С чего начинается театр? Только, пожалуйста, не повторяйте заезженный чеховский стереотип про вешалку. Потому что театр начинается с полетов во сне и наяву. С той огромной, больше бантов на голове или пожарной машины под кроватью мечты, которая заставляет девочек и мальчишек вздыматься на цыпочки перед зеркалом в маминной спальне — выше, выше, к звездам, под сияние юпитеров, навстречу рукоплещущей публике, ослепленной этим невероятным прорывом ввысь и блеском волшебного наряда. И ничего, что розовый шелк с соседского плеча в прошлогодней "хелоуинской" пыли, а прыжок едва не развалил родительское трюмо. Стремление выразить себя в танце вечно.

— И раз, и два, и три ... я-та-ти-та-та-та-та-та...

За окном — знойное онтарийское лето, а в Академии балета Татьяны Степановой в Торонто идут уроки. Полы классов политы тоннами пота, а каждый будущий выход на сцену оплачен болью натруженных связок. Но об этом — ни слова, ни слезинки. Ни вздоха о прохладе северных озер. Потому что еще год, месяц или минута, и непослушное тело отправится в душу исполненный полет, чтобы снова и снова рождаться в движении. А пока закусены губы, дрожат от напряжения колени, и сводит вытянутые до судорог носки. Все внимание устремлено на хрупкую фигуру в черном, сталкером ведущую девочек и мальчишек к мечте. Четкие батманы, по-вагановски царственный поворот головы, взлетающие "русские" руки Божьей милостью балерины, педагога, основательницы и художественного руководителя академии отражаются мышечной памятью взмокших девочек и мальчишек, замерших у станка. Татьяна Степанова на глазах выпрямляет спины и души, лепит в крылья беспомощные руки, толкает неумелые пуанты в водоворот фуэте.

В коридоре стайка "балетных мам" присосла к прорезям жалюзи на окошке класса. Многие пришли из других школ, и вот не могут надивиться тому, как быстро преобразилась Татьяна их совсем недавно неуклюжих гадких утят, мечтавших танцевать:

— Многие перестали узнавать мою девочку, — говорит мама выпускницы нынешнего года Эмили Эскеджан. — Она как будто заново родилась. А ведь недавно думали, что надежду на профессиональную сцену придется оставить. Как нам с Татьяной повезло, мы до сих пор не можем прийти в себя от счастья!

Кто помнит прошлогоднее появление в академии Эмили, вполне с этим согласны. Угловатая, с тяжелыми ногами, Эмили валилась с пуантов и плакала от досады в раздевалке. Сегодня девочка выбирает между Веной и двумя американскими труппами, где предложили стажировку и работу исполнительницей.

— Сколько денег и времени выброшено на другие школы, — вздыхает Карен Рейчелсон, мама Мейган, которая учится в третьем классе академии. — Сколько было разочарований, пока не попали к Татьяне...

"Балетные мамы" знают цену настоящему педагогу. Ведь в балете нет даже нот, и все зависит только от живого слова учителя. Пропустили — не справишь, а с возрастом надежда испаряется. Так что мамы не ропщут часами простаивая в коридорах академии. А любители балета в северном Торонто третью весну с нетерпением ждут спектаклей, поставленных Татьяной Степановой.

В последний месяц занятий в академии мамам видеть репетиции не полагается. Такова традиция: выход на сцену должен быть сюрпризом. Но мамы на то и мамы,

чтобы бессовестно подглядывать в щелочку, пытаясь определить чад по движениям ног. Тем не менее, дело это нелегкое, потому что чада их из Татьян, Катерин, Эмили и Жаклин мгновенно превращались в разудалые вишенки, деловитые тыковки, томные персики, насуленные лимоны и вполне тоталитарные синьоры и синьорины помидоры и помидорши. В этом году Татьяна Степанова вынесла на суд публики Торонто свою собственную оригинальную хореографическую версию балета "Чиполлино" на музыку Арама Хачатуряна и фрагментов произведений Дмитрия Шостаковича.

О представлениях балета, которые прошли в середине июня, говорят до сих пор. Просто невозможно забыть полные юмора мизансцены, вдохновение исполнителей и оформление спектакля. Расписные задники, приехавшие из Майами, зажгли окошки волшебного овощного города. О костюмах — разговор особый. Такие в Торонто и на профессиональных площадках увидишь редко. Каждый из них стал одновременно и маленькой сказкой, и точной психологической характеристикой персонажей балета. Их создала специально для этого спектакля московская художница Виктория Бердичевская. Ткани и шляпные колодки выписывались из Монреаля и Америки и шились со множеством примерок с учетом индивидуальности каждого исполнителя.

Когда же, наконец, пришел долгожданный день премьеры и оживала черная коробка сценического пространства в Cardinal Carter Academy for the Arts в Торонто, разбегавшись души ни с чем не сравнимым запахом кулис, труд педагога и хореографа выплеснулся в зал ярким сценическим действием в исполнении Татьянинных учеников. Всего за три года существования академия их насчитывает уже более сотни. Ведь давно известно, что мечта так и останется мечтой, если за нею не будет стоять Мастер. Заслуженную артистку Украины Татьяну Степанову не нужно представлять ни у себя на родине в Одессе, ни в Северной Америке.

Когда-то и сама Татьяна, тоненькая черноглазая девочка из хорошей одесской семьи, мечтала о танцах. И хоть родители и отправили ее на музыку, Тане характера было не занимать: маме пришлось сложить оружие и отвести дочку в балетную школу. Одесские педагоги вздыхали: с таким талантом девочку надо в столицу. В училище Большого театра попасть ей помогла... холера. Тогда Таню с мамой эвакуировали в Москву. Вспомнив наставления, мама повела ее в балетный класс лучшей школы столицы. Пришлось тогдашнему министру культуры Фурцевой выбивать для первой ученицы с Украины общежитие в Москве. А вернувшись выпускница Академического хореографического училища Большого театра в свой город, ворвавшись на сцену Одесского оперного восемнадцатилетней Жизелью.

Артистическая карьера балерины у себя дома вместила едва ли не все ведущие партии мировой танцевальной классики и лучших современных балетов. Она взлетала над подмостками победной Китри в "Дон Кихоте", разливалась соловьиной трелью па-де-бурре в "Коньке-Горбунке", рыдала "Баядеркой", погибала, утверждая вечную любовь, в "Ромео и Джульетте", попираала страстью смерть в "Кармен-сюите", вонзалась стальным пуантом в душу лермонтовского героя в роли баронессы Штраль в "Маскараде".

Казалось бы, Татьяне Степановой удалось все, о чем только может мечтать актриса. В памяти почитателей ее музыки остались и пронзительная Эдит Пиаф, которую Татьяна станцевала на творческом вечере в концертном зале имени Чайковского в Москве, и талантливо и легко сыгранные киногерои, вроде подруги Маяковского Лили Брик в фильме Одесской киностудии "Дежа-вю".

Но карьера ее на этом далеко не закончилась. Начались гастроли по Европе и контракты в США, где американская публика рукоплескала принцессе Авроре из "Спящей красавицы", Маше из "Щелкунчика", Одетте-Одили. Здесь же, в Новом Свете, ей выпала неожиданная честь станцевать "Видение Розы" перед сценическими соратниками автора балета Михаила Фокина и легендарных Анны Павловой, Вацлава Нижинского и их товарищей по сцене: балерина попала в число почетных участников представления, посвященного юбилею труппы "Бале Рюсс" — той самой, что, отпочковавшись от Дягилевских сезонов в Париже на рубеже двадцатого столетия, принесла искусство русского балета в Северную Америку. Она стояла у станка на уроке, который проводили живые легенды балета. И возрождала их прошлое, выйдя на подмостки в платье исполнительницы "Видения" из труппы "Бале Рюсс"...

— Я часто думаю о том, какое редкое счастье подарила мне судьба. Ведь не каждому артисту выпадает

встретиться с живой историей мирового балета, — говорит Татьяна. — На моем месте могла быть любая другая балерина. С тех пор я не сомневаюсь в том, что в моем переезде на Североамериканский континент был какой-то особый смысл. Здесь я прожила свою вторую артистическую жизнь.

Но Мастер потому и Мастер, что существовать вне ролей не может: — Закончив танцевальную карьеру, четко осознала, что смогу жить только в своих учениках, давая им возможность снова и снова повторять то, что делала я сама, — говорит Татьяна.

Так в Торонто перед балериной Степановой открылась еще одна, непростая, но счастливая творческая дорога. Казалось бы, могла ведь просто побыть очень красивой женщиной, отдохнуть, ну, иногда давать уроки. А Татьяна не выходит

из класса часами. По ночам не спит, думая о новых постановках, поисках источников финансирования, складах для театральных декораций и костюмов, но больше всего — о судьбе своих учеников.

На стенах академии не увидишь североамериканской "обязаловки", этих вечных снимков с сильными мира театральных подмостков или знаменитостями, хоть таких встреч в жизни балерины было немало. Стены заполнены фотографиями ее питомцев. Камера оставила не только мгновения предыдущих постановок, но и ощущение счастья на лицах маленьких принцев и фей, которое ни с чем не перепутать. Самые дорогие, в отдельных рамках, — фото тех, кого Татьяна выпустила в профессиональную балетную жизнь, начав преподавательскую деятельность в новой стране. Сегодня они танцуют в профессиональных труппах Канады, Америки, Израиля.

Нынешний, третий по счету отчетный спектакль академии, был задуман Татьяной Степановой как важная веха на пути к созданию постоянно действующего балетного театра в Торонто, базой для которого должна стать ее школа танца. Потому что ведь и у Мастера есть мечты, которые не дают покоя:

— О создании театра я думала всегда, — признается Татьяна. — Театр для меня был и остается истинным, высоким храмом души. Это самое святое в моей жизни, потому что только театр поднимает и раскрывает лучшее, на что ты способен... Кто хоть немного пожил на нашем континенте, хорошо понимает, что за этими словами стоит подвижничество. Мы кувыркаемся в мире, где дилетантизм возведен в культ, качество жизни определяется отсутствием каких-либо усилий и наличием вечного "фана", то бишь примитивного, не требующего ни ума, ни труда удовольствия. Здесь самоотречение, жертвенность и творческий поиск воспринимаются как абстракция из потустороннего мира,

вроде дедушкиных рассказов о войне или дефиците на мыло.

Помнится, в прошлом году накануне спектакля "Коппелия" в постановке Степановой зашел разговор о том, что, мол, чего уж так убиваться — все равно подобного в других школах Торонто не увидишь. Татьяна отрезала:

— Я не сравниваю своих учеников с чьим-то уровнем. Сравниваю все, что делаю, только со своим собственным.

Она требует того же и от юных исполнителей, и от их родителей и, конечно же, от коллег. Поэтому каждый спектакль академии учит, прежде всего, тому, как превзойти себя. Ну а "Чиполлино" — балет вообще особенный. В нем столько неповторимых характеров, что работа постановщика, хореографа и репетитора усложняется во сто крат.

Зато талантов в своих учениках Татьяна Степанова открыла множество. Поэтому и создала для них новые хореографические композиции, ввела не существовавшие раньше персонажи, внимательно подбирала роли, примеряясь к внешности, темпераменту и уровню учеников, "переводя" сатирический язык либретто в доступную и детям, и взрослым символику. Уж если и выкатывался на сцену горошек, так от зубов отскакивал, а кол в ряд выходили шестилетние морковочки, то такой постановке сплн любой хореографический огород мог позавидовать. За ними — шелк да шелк каблукочками — рассыпались перчинки: смотрите, а не то в глаза попадем! Пока пионы наивно кивали розовыми головками, Дон Лимон задумывал новые интриги.

А в зале ловили себя на мысли о том, что "Чиполлино" — вовсе не сказка, в которой все понарошку, а сама жизнь. В ней добро, как и заведено, победило зло. Отважный и благородный Луковка и революционерка Редисочка отпраздновали победу в битвах с бюрократическим коварством. Не теряя времени и растопырив от усердия оранжевые пачечки, тыковки восстанавливали недвижимость, конфискованную было Синьором Помидором. Сам посрамленный Помидор в до боли знакомой кепке диктатора оказался повержен.

Когда зал вспыхнул аплодисментами, стало ясно: театр состоялся. Т-сс-... О вешалке — ни слова. Овации — педагогу и хореографу Татьяне Степановой. И корзины цветов, и слезы счастья учеников, и восторг публики — тоже ей. Еще один выход — и побледневшая от волнения и бессонницы последних дней Татьяна склоняется в по-вагановски царственном, широком, от души поклоне...

Сегодня жаркое онтарийское лето манит рыбалкой и дачным покоем. Но в классах академии идет работа:

— И раз, и два, и три! Та-та-ти-та-ти-та-ти! Так, так, молодцы, выше, выше голову, тянуться за рукой!

Голос Мастера не знает усталости. Творчество не хочет покоя. А мечты — для того и мечты, чтоб становиться явью.

Торонто — Одесса.

дает встретиться с живой историей мирового балета, — говорит Татьяна. — На моем месте могла быть любая другая балерина. С тех пор я не сомневаюсь в том, что в моем переезде на Североамериканский континент был какой-то особый смысл. Здесь я прожила свою вторую артистическую жизнь.

Но Мастер потому и Мастер, что существовать вне ролей не может:

— Закончив танцевальную карьеру, четко осознала, что смогу жить только в своих учениках, давая им возможность снова и снова повторять то, что делала я сама, — говорит Татьяна.

Так в Торонто перед балериной Степановой открылась еще одна, непростая, но счастливая творческая дорога. Казалось бы, могла ведь просто побыть очень красивой женщиной, отдохнуть, ну, иногда давать уроки. А Татьяна не выходит

